Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 151–155
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(4):151–155

Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 32
https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-151-155 EDN MTKUXY

К вопросу об «идеологическом вакууме» в России постмодерна

Олег Олегович Антименко[1], Ольга Владимировна Дружба[2]

[1, 2]Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

[1]anti_men_co@mail.ru

[2]odruzhba@yandex.ru

Аннотация. На протяжении последних десятилетий стало едва ли не общим местом говорить об окончательном «конце идеологии», причем как об объективно свершившемся факте, который очевиден и не требует обоснований. Между тем реальная практика свидетельствует об обратном: по большинству ключевых показателей, включая и темпы экономического роста и развития, лидируют страны, у которых существует (Китай) или до недавнего времени существовала (США, ЕС) четкая и последовательная идеологическая программа. В условиях углубляющегося кризиса либеральной идеологии, не критически воспринятой российским обществом, поиск собственных идеологических основ становится вопросом не столько теоретической необходимости, сколько реального практического выживания и сохранения России как единого государственного и социального организма.

Ключевые слова: идеология, либерализм, либеральная идеология, постсовременность, российское общество, традиционализм

Для цитирования: Антименко О. О., Дружба О. В. К вопросу об «идеологическом вакууме» в России постмодерна // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 151–155. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-151-155. EDN MTKUXY

Politology and Ethnopolitics

Original article

On the issue of the "ideological vacuum" in Postmodern Russia

Oleg O. Antimenko[1], Olga V. Druzhba[2]

[1, 2]Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

[1]anti_men_co@mail.ru

[2]odruzhba@yandex.ru

Abstract. Over the past decades, it has become almost a commonplace to talk about the final "end of ideology" as an objectively accomplished fact that is obvious and does not require justification. Meanwhile, real practice shows the opposite: according to most key indicators, including the rates of economic growth and development, the countries that have (China) or until recently had (the USA, the EU) a consistent ideological program are leading. In the conditions of the deepening crisis of liberal ideology, non-critically perceived by Russian society, the search for its own ideological foundations becomes a matter not as much as of the theoretical necessity than of the real practical survival and preservation of Russia as a single state and social organism.

Keywords: ideology, liberalism, liberal ideology, postmodernity, Russian society, traditionalism

For citation: Antimenko O. O., Druzhba O. V. On the issue of the "ideological vacuum" in Postmodern Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(4):151–155. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-151-155. EDN MTKUXY

© Антименко О. О., Дружба О. В., 2023

Под идеологией мы понимаем ценностно-культурную матрицу, кодирующую поведение больших общностей и отдельных индивидов на основе признаваемых идей, целей, норм, правил, убеждений, оценок и т.д., и тем самым определяющую способ организации и самоорганизации социальных групп, внутригрупповые уровни и позиции, поведение внутри группы, стратегии взаимодействия с внешним окружением и отношение к внешним акторам.

Во-первых, это позволяет проводить четкую грань между идеологией, как целостной системой, ситуативной идейно-политической активностью коллективных или индивидуальных акторов и пропагандой. Во-вторых, это со всей очевидностью демонстрирует, что даже работа по де- реидеологизации строится на основе, пусть имплицитной, но тем не менее целостной идеологической картины [1–5].

Конец XX и первая четверть XXI века прошли под знаком «почти всеобщего» признания «окончательной» победы глобализма и либеральной демократии, западных ценностей и образа жизни. При этом мало замеченным (и отмеченным в научных публикациях) остался вывод, открыто провозглашенный в «манифесте воинствующего либерализма» Френсисом Фукуямой: победа Запада стала победой не либеральной практики, а либеральной идеи, которой по силе притягательности не способна противостоять ни одна другая [6].

С учетом того, что установка на необходимость максимально встроиться в систему западных ценностей была принята практически всеми ключевыми российскими политическими акторами и активно (если не агрессивно) насаждалась всеми доступными средствами, попытки построения альтернативной картины мира на протяжении большей части постсоветской истории России воспринимались как маргинальные и далекие от горизонтов строгой науки. В результате в настоящий момент, когда конструкция глобальной либеральной идеологии фактически обрушена происходящими геополитическими процессами, когда в условиях СВО и кардинального разрыва отношений с «партнерами» возникла необходимость объединения с внешними союзниками, представителями блока «неприсоединившихся», внутренней консолидации российского общества, единственной систематически проработанной, и потому мейнстримной идеологической системой оказалось «неоевразийство» (и персонально один из наиболее ярких его выразителей А. Г. Дугин).

Не вдаваясь в подробный анализ философских и политологических обоснований обеих концепций, в данной статье мы предлагаем провести сравнение собственно идеологических конструкций Ф. Фукуямы (как знакового пропагандиста либеральной идеи) и А. Г. Дугина, показывающее, что ни одна из них не в состоянии дать адекватный ответ на вызовы сегодняшнего дня. Первая – в силу того, что само развитие по глобалистскому сценарию зашло в тупик. Вторая (при том, что многие из теоретических положений А. Г. Дугина обладают значительной исследовательской и эвристической ценностью) – потому что, сам того не желая, он предлагает взять за основу национального развития и фактически законсервировать наиболее явные проявления кризиса, которые переживает западная (и российская, как относительно встроенная в нее) система.

Можно выделить следующие основные установки идеологической конструкции либерализма Фукуямы, в целом совпадающие с базовыми характеристиками либерализма и у других сторонников этого течения:

- научный прогресс, развитие технологий, рост уровня образования в обществе, интенсивное экономическое развитие (в полной мере осуществимые только на основе рыночных принципов и западного рационализма) приводят к созданию единообразных унифицированных обществ; отныне развитие – синоним встроенности в капиталистическую рыночную экономику и следование западным образцам и моделям поведения;
- взрывной рост благосостояния и безграничные возможности удовлетворения любых потребностей; в свою очередь глобальная культура консьюмеризма порождает желание стать ее частью и за счет унификации и открытости обществ, снимает все преграды для его осуществления;
- открытость общественных отношений позволяет добиться жизненного успеха вне зависимости от стартовых условий и приводит к созданию подлинно бесклассового общества, в котором все одинаково уравнены в правах;
- гарантия реализации и защита прав каждого вне зависимости от социального или этнического происхождения, все значимые общественные решения принимаются только на основании консенсуса после открытого и свободного обсуждения;
- признание достоинства и ценности каждого как самостоятельной личности, вне зависимости от сословной (классовой) принадлежности;

- полная свобода от контроля действий (за исключением ограниченного числа необходимых случаев) личности и собственности, возможность открытого выражения своих взглядов;
- мобильность уже не внутри локальных территориальных пространств, а в глобальном масштабе;
- «бесконечный мир», отсутствие войн между демократическими либеральными странами [6].

Реальность оказалась жестче и опровергла прогнозы Фукуямы. Уже первые десятилетия XXI века со всей очевидностью продемонстрировали, что «глобальный либеральный рай» является таковым только для ограниченного числа избранных, подавляющему большинству резервируя место в локальном «аду». Вместо всеобщего благоденствия, равенства и свободы сформировалась устойчивая асимметрия между экстерриториальностью элит и территориальной ограниченностью остального населения. При этом сами элиты, способные в любой момент переместиться в любую точку пространства, перенося с собой финансовые и производственные активы, оказались полностью освобождены от каких бы то ни было обязательств перед конкретными территориями и их населением. Вместо унификации условий жизни, произошла локализация и архаизация локальных пространств, вместе с проживающим на них населением и резкая поляризация общества по уровню доходов и возможностей [7]. Причем этот разрыв имеет устойчивую тенденцию к постоянному увеличению [8]. Общество все больше приобретает кастовый характер, статусное положение в котором, за счет неравенства возможностей, становится наследственным [9]. Ряд зарубежных и отечественных авторов в данной связи уже заговорил о тенденции к формированию неофеодализма и «Нового Средневековья» [10–13].

Идеологическая конструкция Фукуямы – Боррeля не выдержала натиска реальности. В итоге произошел слом мировоззренческой парадигмы, некогда универсалистская идея, увлекавшая за собой целые народы, утратила синергетический эффект и на ее обломках происходит попытка формирования локальных форматов дальнейшего развития, политической и социокультурной консолидации. В современной России, в силу ряда объективных и субъективных факторов, наибольшую проработку и систематизацию получила дугинская «неоевразийская идея». Какова же картина, которая предлагается взамен неолиберальной для современного российского общества? Ее основные черты:

- прогресс, как его понимает либеральная идеология, представляет угрозу для самобытности как индивидов, так и больших социальных общностей, идея такого прогресса полностью отвергается;
- наиболее оптимальным политическим строем является империя (не обязательно с единоличным императором во главе), построенная по цивилизационному признаку с определяющей ролью русского народа, как государствообразующего, но без претензий на главенство и исключительность;
- миссия русского народа – через исторические невзгоды, страдания и лишения привести остальные народы к торжеству всемирной идеи добра и справедливости, решительно покончив с американской империей лжи, эксплуатации и нравственного разложения;
- идеология строится на основе имперостроительной воли, формула которой выводится в результате синтеза всех прежде существовавших империй (включая империю Чингисхана);
- мир как совокупность нескольких «больших пространств» (для России таковым является Евразия), объединенных по цивилизационному типу, на основе общей системы ценностей, исторического родства, общности судьбы
- внутри «евразийской империи» во главе с Россией отношения строятся по принципу приоритета традиционного над новым, признания множественности и различия высших жизненных ценностей, абсолютного права каждого этноса и локального сообщества жить в соответствии со своими социокультурными нормами и правилами, выстраивать в соответствии с ними систему межличностных отношений, экономический порядок и судопроизводство; за центральной властью в этой конструкции остаются лишь международные отношения и связи и наиболее общие вопросы, затрагивающие интересы всего «большого пространства» как условного целого [14].

В качестве одного из проявлений кризиса глобализма З. Бауман отмечал фрагментацию пространства, выделение особых локализованных зон для избранных, и изоляцию «неблагополучных районов», фактически близкую к системе «огораживания» эпохи позднего Средневековья [7].

Своим, упомянутым последним положением, Дугин фактически предлагает закрепить эту систему в качестве «высшей ценности», обосновывая необходимость локализации (вплоть до отдельных анклавов архаичных культур) не откровенно злым умыслом глобальных элит, а благим намерением сохранить национальную идентичность. Тем самым будущая «империя» фактически лишает жителей

отдельных и отделенных по социокультурным признакам анклавов возможности выносить свои проблемы на уровень общественно значимых вопросов, равно как и превращать общественно значимые вопросы в свои личные проблемы.

Столь же непонятным остается, как в «мультикультурном раю» Дугина будет решаться вопрос неравенства распределения благ не столько даже между отдельными индивидами, сколько между объединенными в «империю» этносами с учетом того, что одни находятся на стадии высокотехнологичного развития, другие пребывают на его архаических ступенях.

Еще одной, не менее важной проблемой, является процесс взаимодействия между отдельными этносами внутри империи. В исторических империях единство достигалось за счет единообразия установленных на общеимперском уровне законов. К чему может привести тенденция предоставить каждому этносу права самостоятельно вершить правосудие, мы можем видеть непосредственно и на примере все еще существующих, хотя и сдерживаемых федеральным законодательством, традиционных регуляторов поведения в ряде южных республик. В конечном итоге отсутствие единых и обязательных для всех общих норм и правил взаимодействия с неизбежностью приведет к диктатуре архаичных этносов, как более агрессивных и менее склонных к поиску компромисса.

Но, самое главное. Все великие идеологии последних тысячелетий, начиная от христианства и заканчивая социализмом и либерализмом, строились на идее вечности, которая отнесена к перспективе будущего и которую необходимо достичь (вечное блаженство в раю, бесклассовый коммунистический строй, дающий возможность каждому раскрыть весь свой человеческий и творческий потенциал и обеспечивающий материальное изобилие, возможность «тематической» самореализации и удовлетворения любых желаний в мире безграничного потребления и т.д.). Какими бы важными и необходимыми не были традиции, они ориентированы в прошлое и лишены импульса к дальнейшему развитию. Неоевразийство же предлагает прошлое в качестве будущего как элемент противостояния со знаком «анти»: анти-Запад, анти-США, анти-постмодерн, закрепляя за русским народом не только право, но и едва ли не обязанность страданий за высшее благо в противостоянии Моря и Суши, света и тьмы. А к чему приходят общества, ориентированные исключительно на отрицание, наглядно свидетельствует пример наших ближайших западных соседей.

Список источников

1. Липсет С.М. Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016, 612 с.
2. Lipset S.M., Marks G. It Didn`t Happen Here: Why Socialism Failed in the United States. New York and London: W.W. Norton, 2000, 379 p.
3. Shils E. The End of Ideology? Encounter, 5 (November 1955), P. 52–58.
4. Foucault M. The Foucault Reader. New York: Pantheon Books, 1984, 390 p.
5. Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков: Гуманитарный центр, 2009, 312 с.
6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015, 576 с.
7. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Издательство «Весь мир», 2004, 188 с.
8. Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться. М.: Индивидуум, 2021, 352 с.
9. Markovits D. The Meritocracy Trap: How America`s Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite. New York: Penguin press, 2019. 448 p.
10. Дин Д. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2013. №1. Т.29. С. 85–116.
11. Kotkin J. The Coming of Neo-Feudalism: a Warning of the Global Middle Class. New York: Encounter Books, 2020, 288 p.
12. Касатонов В. Ю. Посткапитализм. От либеральной демократии к цифровому концлагерю. М.: Книжный мир, 2020. 384 с.
13. Лежава А. Новые крепостные. Неофеодализм и современное рабство. М.: Рипол Классик, 2021. 384 с.
14. Дугин А. Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013. 532 с.

References

1. Lipset S.M. *Political Man: Social Foundations of Politics.* Moscow: Mysl`; 2016. 612 p. (In Russ.)
2. Lipset S.M., Marks G. *It Didn`t Happen Here: Why Socialism Failed in the United States.* New York and London: W.W. Norton; 2000. 379 p.

3. Shils E. The End of Ideology? *Encounter, 5 (November 1955),* P. 52–58.
4. Foucault M. *The Foucault Reader.* New York: Pantheon Books; 1984. 390 p.
5. Schwarzmantel J. *Ideology and Politics.* Kharkiv: Gumanitarnyj centr; 2009. 312 p. (In Russ.)
6. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man.* Moscow: ACT, 2015. 576 p. (In Russ.).
7. Bauman Z. *Globalization. Consequences for Individuals and Society*. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir»; 2004. 188 p. (In Russ.)
8. Susskind D. *A Future Without Work. Technology, Automation and Should We Be Afraid of Them?* Moscow: Individuum; 2021. 352 p. (In Russ.)
9. Markovits D. *The Meritocracy Trap: How America`s Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite.* New York: Penguin press; 2019. 448 p.
10. Dean D. Communism or Neo-Feudalism? *Logos*; 2013. (Vol. 29); (1): 85–116. (In Russ.)
11. Kotkin J. *The Coming of Neo-Feudalism: a Warning of the Global Middle Class.* New York: Encounter Books; 2020. 288 p.
12. Kasatonov V. Y. *Post-Capitalism. From Liberal Democracy to Digital Concentration Camp.* Moscow: Knizhnyj mir; 2020. 384 p. (In Russ.)
13. Lezhava A. *New Serfs. Neo-Feudalism and Modern Slavery.* Moscow: Ripol Klassik; 2021. 384 p. (In Russ.)
14. Dugin A.G. *The Theory of a Multipolar World.* Moscow: Evrazijskoe dvizhenie; 2013. 532 p. (In Russ.)

Информация об авторах

О. О. Антименко – преподаватель кафедры «Связи с общественностью» ДГТУ.
О. В. Дружба – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой «Связи с общественностью» ДГТУ.

Information about the authors

O. O. Antimenko – Lecturer of the Department of Public Relations of Don State Technical University.
O. V. Druzhba – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Public Relations of Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 23.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.
The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 24.11.2023.